

М. В. ШКАРОВСКИЙ

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ И РУССКАЯ ЦЕРКВИ

В ПЕРИОД ВЕЛИКИХ ПОТЯСЕНИЙ

1910-е — 1950-е годы

Михаил Шкаровский

**Константинопольская и Русская
Церкви в период великих
потрясений (1910-е – 1950-е гг.)**

Торговый Дом "Познание"

2019

УДК 281.9
ББК 86.2

Шкаровский М. В.

Константинопольская и Русская Церкви в период великих потрясений (1910-е – 1950-е гг.) / М. В. Шкаровский — Торговый Дом "Познание", 2019

ISBN 978-5-906960-59-7

Книга известного церковного историка Михаила Витальевича Шкаровского посвящена истории Константинопольской Православной Церкви в XX веке, главным образом в 1910-е — 1950-е гг. Эти годы стали не только очень важным, но и наименее исследованным периодом в истории Константинопольского Патриархата, когда с одной стороны само его существование оказалось под угрозой, а с другой он начал распространять свою юрисдикцию на различные страны, где проживала православная диаспора, порой вступая в острые конфликты с другими Поместными Православными Церквями. В этой непростой ситуации значительное место занимали отношения Константинопольского Патриархата с Русской Православной Церковью, которым в работе уделено особое внимание. Книга предназначена для историков, священнослужителей и всех интересующихся историей Православия. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 281.9

ББК 86.2

ISBN 978-5-906960-59-7

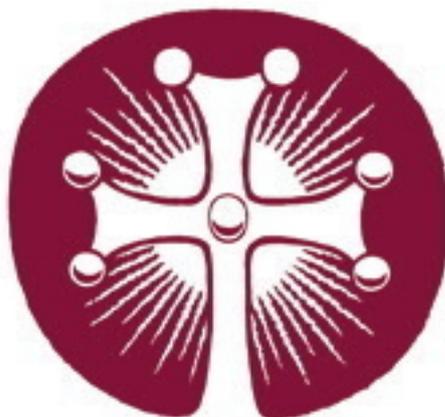
© Шкаровский М. В., 2019
© Торговый Дом "Познание", 2019

Содержание

Введение	6
Глава I	11
1. Потрясения Первой мировой, греко-турецкой войн и межвоенный период (1914-1930-х гг.)	11
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Михаил Шкаровский
Константинопольская и Русская
Церкви в период великих
потрясений (1910-е – 1950-е гг.)

Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия

ПОЗНАНИЕ

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС Р-18-815-0565

Кафедра богословия Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. свв. Кирилла и Мефодия

© Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. Кирилла и Мефодия, 2019

© Издательский дом «Познание», 2019

Введение

История взаимоотношений Константинопольского Патриархата и Русской Православной Церкви в первой половине XX века, а также русских церковных общин на территории Турции является одной из недостаточно изученных тем в российской историографии. Почти отсутствует опубликованная источниковая база. Несмотря на важность Константинопольского Патриархата для судеб Русской Церкви (достаточно вспомнить, что именно из Византийской империи Православие пришло на Русь), отечественные историки на протяжении почти всего XX века мало обращались к этой теме.

Между тем, описываемая в книге история очень интересна и богата. Отношения Константинопольского Патриархата с Русской Православной Церковью в первые десятилетия после революции 1917 г. были сложными и характеризовались многочисленными конфликтами, что самым непосредственным образом отразилось на истории русской церковной эмиграции. Константинополь и его окрестности в начале 1920-х гг. временно стали ее крупнейшим центром, правда, уже вскоре эта роль была утрачена, однако несколько российских общин просуществовали в Турции вплоть до 1960-х гг. Находившиеся в юрисдикции Константинопольского Патриарха, русские обители Афона в 1920-е – 1930-е гг. испытывали большое влияние Русской Православной Церкви за границей.

В межвоенный период Константинопольский Патриархат, хотя и потерял большую часть своей паствы на территории Турции, сумел сохраниться и даже увеличить свое влияние в Православном мире. При этом он перешел к неканоничной политике подчинения себе епархий и автономных Православных Церквей, отделившихся от Матери-Церкви, прежде всего Русской, а также к проведению целого ряда церковных реформ. Это привело к значительному ухудшению отношений как с Московским Патриархатом, так и с Русской Православной Церковью за границей.

Уже через пару лет после прихода нацистов к власти в Германии, в конце 1935 – начале 1936 гг. Юго-Восточная Европа оказалась в поле зрения их внешней политики, и Германский МИД в 1936–1944 гг. постоянно пытался различными способами включить Константинопольский Патриархат в сферу влияния Третьего рейха. Особенно большое внимание нацистские ведомства принялись уделять церковной политике на Балканах с 1941 г. – после оккупации Югославии и Греции и начала войны с СССР. Немецкая церковная политика в Юго-Восточной Европе с этого времени была в основном направлена на раздробление единства Православных Церквей и установление своего контроля над ними, однако в отношении Вселенского Патриархата она потерпела неудачу. В годы Второй мировой войны Константинопольская Патриархия в целом сумела противостоять немецкому влиянию. Патриарх Вениамин I признал выборы Патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергия (Страгородского), и к концу войны связи Константинопольской и Русской Церквей не только возобновились, но и существенно укрепились.

Окончание Второй мировой войны сильно изменило ситуацию не только на политической арене, но и в православном мире. Заметно усилившийся Московский Патриархат выступил с претензией на лидерство, что не могло не привести в перспективе к конфликту с Константинопольской Церковью. Существенную роль в этом противостоянии сыграла начинавшаяся холодная война между Советским Союзом и блоком западных государств во главе с США. Борьба за лидерство в православном мире продолжалась до начала 1950-х гг., а затем, перестав «подогреваться извне», постепенно утонула. Нормализация отношений Русской и Константинопольской Церквей произошло в конце этого десятилетия уже в новых исторических условиях.

С конца XX века вновь существенно выросли многосторонние связи России с Константинопольским Патриархатом, началось возрождение на его канонической территории русских

церковных общин (в Стамбуле) и обителей (на Афоне). Поэтому важно изучить историю прошлых десятилетий, в том числе в такие тяжелые и переломные периоды, как годы Первой и Второй мировых войн. Все это может способствовать развитию прежних многовековых связей и традиций.

В предлагаемой читателю монографии акцент сделан на истории Константинопольского Патриархата и его сложных отношениях с Русской Православной Церковью в 1914–1950-х гг. а также истории русской православной эмиграции на территории Турции. При этом определенное внимание было уделено связям и конфликтам Вселенского Патриархата с Болгарской Православной Церковью и истории болгарских общин и обителей на его канонической территории, что позволяет сравнивать политику Фанара в отношении двух славянских Православных Церквей.

При общем обилии литературы о Константинопольском Патриархате научных работ по их истории его взаимоотношений с Русской Православной Церковью в 1917–1950-х гг. относительно немного. Серьезное научное изучение темы началось в основном в 1990-е гг. современными российскими историками. Из важнейших работ по этой теме следует назвать книги и статьи светских российских исследователей – А.А. Кострюкова¹, А.В. Попова², С.В. Болотова³, М.Г. Талалая⁴, П. Троицкого⁵, А.В. Слесарева⁶, священнослужителей Московского Патриархата – игумена Митрофана (Шкурина)⁷, священника Александра Мазырина⁸, протоиерея Владислава Цыпина⁹ и русских эмигрантов – С.В. Троицкого¹⁰, архиепископа Никона (Рклицкого). Особенный интерес представляет недавняя монография священника Александра Мазырина и А.А. Кострюкова, посвященная некоторым проблемам в истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей¹¹.

Значительный вклад в изучение истории Поместных Православных Церквей, в том числе Константинопольского Патриархата, внес преподаватель Московской Духовной Академии К.Е. Скурат¹². Основным автором, изучающим историю русских общин и обителей в Турции, Греции и на Святой Горе Афон, является М.Г. Талалай¹³. Важной работой является коллектив-

¹ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг.: Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011; Его же. К истории взаимоотношений между Русской Зарубежной Церковью и Константинопольской Патриархией в 1920–1924 гг. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 6 (43). С. 61–62.

² Российское православное зарубежье: история и источники / Сост. А.В. Попов. М., 2005.

³ Болотов С.В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы. М., 2011.

⁴ Талалай М.Г. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2003; Его же. Положение русского монашества на Афоне после 1912 г. // Россия и Христианский Восток. М., 2004. С. 581–589.

⁵ Троицкий П. Свято-Андреевский скит и русские кельи на Афоне. М., 2002; Его же. Русские на Афоне. XIX–XX век. М., 2003; Его же. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. М., 2009.

⁶ Слесарев А.В. Старостильный раскол в истории Православной Церкви (1924–2008). М., 2009.

⁷ Игумен Митрофан (Шкурин). Русская Православная Церковь и советская внешняя политика в 1922–1929 годах: (По материалам Антирелигиозной комиссии) // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 158–169.

⁸ Священник Александр Мазырин. Константинопольский Патриархат и обновленческий раскол // URL: <http://www.pravoslavie.ru>.

⁹ Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Церкви 1917–1997. М., 1997.

¹⁰ Троицкий С. Црквена јурисдикција над православном диаспором. Сремски Карловци, 1932.

¹¹ Священник Александр Мазырин, А.А. Кострюков. Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке. М., 2017.

¹² Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей. В 2-х частях. М., 1994.

¹³ См. Талалай М.Г. Русская община в Афинах // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 98–101; Его же. Русские захоронения на военном кладбище Зейтинлик в Салониках. СПб., 1999; Его же. Русские церковные общины в Греции в межвоенный период // Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг. Вып. 2. М.–СПб., 2005. С. 124–131; Его же. Генеалогия Демидовых князей Сан-Донато (по зарубежным источникам) // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3. Сост. Н. Г. Демидова. М., 2003. С. 117–119; Его же. Русское кладбище имени Е.К.В. Королевы Эллинов Ольги Константиновны в Пирее (Греция). СПб., 2002 и др.

ный труд «Русские храмы и обители в Европе», составителями которого были петербургские ученые В.В. Антонов и А.В. Кобак¹⁴. Разделы этого труда, посвященные русским храмам в Турции и русским обителям Афона, написал М.Г. Талалай при небольшом участии В.В. Антонова. Существенным вкладом в изучение биографий настоятелей подворий русских афонских обителей в Константинополе стало изданное Свято-Пантелеимоновским монастырем в 2012 г. коллективное исследование «Русский афонский отечник XIX–XX веков».

При подготовке разделов по истории Константинопольского Патриархата активно использовались труды зарубежных историков: греческих – А. Нанакиса, А.Д. Делимбасиса, А.А. Паллиса, Г. Псаллидиса, сербских – священника Срболоба Милетича, М. Йовановича, З. Петровича, Р. Радич, болгарских – С. Елдьрова, К.А. Бойкикевой, турецкого ученого Т. Эргене, немецкого историка Г. Зайде, французского исследователя А. Нивьера, английского писателя В. Мосса и других. При всем различии и нередко значительной политизированности их позиций эти труды представляют значительную ценность вследствие использования значительного комплекса документов государственных и церковных архивов балканских стран¹⁵. Некоторые сюжеты избранной темы ранее уже освящались в работах автора нынешнего издания¹⁶.

Значительную ценность представляют опубликованные воспоминания, письма и исследования участников описываемых в издании событий: митрополита Евлогия (Георгиевского), архиепископа Василия (Кривошеина), схиархимандрита Софрония (Сахарова), Первоиерарха Русской Православной Церкви за границей митрополита Антония (Храповицкого), правителя дел Архиерейского Синода РПЦЗ епископа Григория (Граббе), известного церковного деятеля, писателя и многолетнего негибавшего борца за русский Афон В.А. Маевского и других¹⁷.

Главным недостатком существующей историографии избранной темы является узость источниковой базы. Материалы как российских, так и немецких, болгарских, греческих архивов ранее использовались явно недостаточно. Между тем предлагаемое читателю издание в значительной степени основано на архивных документах. Его источниковую базу составляют материалы 12 государственных (пяти российских, трех немецких, двух американских, одного болгарского и одного греческого), а также пяти церковных архивов.

Документы о создании русских храмов и монастырских подворий в Константинополе и их деятельности в дореволюционный период хранятся в Российском государственном историческом архиве и Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Историю отношений Константинопольского и Московского Патриархатов, а также русских церковных общин на территории Турции в XX веке можно изучать по материалам совет-

¹⁴ Русские храмы и обители в Европе. Авт. – сост. В.В. Антонов, А.В. Кобак. СПб., 2005.

¹⁵ Нанакис А. История Вселенского Константинопольского Патриархата в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе XX век. Киев, 2010. С. 25–52; Delimbasis A.D. Pascha of the Lord, Creation, Renewal, and Apostasy. Athens, 1985; Psallidas G. Ecclesiastical Policy of the Occupying Forces in Greece and the Reactions of the Greek Orthodox Church to Its Implementation (1941–1944) // Religion under Siege. II. Protestant, Orthodox and Muslim Communities in Occupied Europe (1939–1950). Leuven, 2007. P. 93–118; Zerjavic V. Gubici stanovnistva Jugoslavije u drugom svetskom ratu. Zagreb, 1989; Петрович З. Монастири Свете Горе. Приштина, 1994; Радич Р. Држава и верске заједнице 1945–1970. Д. 1. Београд, 2002; Бойкикева К.А. Болгарская Православная Церковь. Исторический очерк. София, 2005; Елдьров С. Православието на войне. Българската православна църква и войните на България 1877–1945. София, 2004; Ergene T. Istikl harbinde Trk ortadokslari (The Turkish Orthodox in the War of Independence). Istanbul, 1951; Seide G. Geschichte der Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. Wiesbaden, 1983; Мосс В. Православная Церковь на перепутье (1917–1999). СПб., 2001 и др.

¹⁶ Шкаровский М.В. История русской церковной эмиграции. СПб., 2009 и др.

¹⁷ Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994; Архиепископ Василий (Кривошеин). Воспоминания. Нижний Новгород, 1998; Его же. Спасенный Богом. Воспоминания, письма. СПб., 2007; Церковь Владыки Василия (Кривошеина). Письма, статьи, воспоминания / Сост. А. Мусин. Нижний Новгород, 2004; Иеромонах Софроний (Сахаров). Старец Сиуан Афонский. М., 1996; Маевский В. Афонские рассказы. Париж, 1950; Его же. Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии: в 2-х тт. Нью-Йорк, 1966; Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилл, 1988; Епископ Григорий (Граббе). Завет Святого Патриарха. М., 1996.

ских или русских эмигрантских организаций, хранящихся в трех московских архивах – Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и Российском государственном военном архиве в Москве (РГВА). В ГАРФе в этом плане особенный интерес представляют обширные фонды Совета по делам Русской православной церкви (ф. 6991) и Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей (ф. 6343), в РГАСПИ – фонд Центрального Комитета ВКП(б) – КПСС (ф. 17), а в РГВА – фонд Главного управления имперской безопасности (ф. 500).

Из немецких архивов прежде всего следует указать Федеральный архив в Берлине (Bundesarchiv Berlin – BA), где соответствующие материалы хранятся в фондах Рейхсминистерства иностранных дел (R 901), Главного управления имперской безопасности (R 58), Рейхсминистерства церковных дел (R 5101), Имперской канцелярии (R 43/II), Внешнеполитической службы национал-социалистической германской рабочей партии (NS 43) и др. Очень ценным архивохранилищем является Политический архив Министерства иностранных дел в Бонне (Politisches Archiv des Auswärtigen Amts Bonn – AA), где хранятся десятки дел с аналитическими записками, отчетами, письмами, телеграммами немецких дипломатических служб о религиозной ситуации в странах Восточной и Центральной Европы, в том числе в Турции и Греции. (Inland I-D, 47404742, 4797–4800 и др.). В архиве Института современной истории в Мюнхене (Institut für Zeitgeschichte München – IfZ) сведения о церковной ситуации в Турции и Греции содержатся в материалах немецкого военного командования (MA 1039), Главного управления имперской безопасности (MA 447, 558, Fa 231/3) и Внешнеполитической службы «Восток» (MA 128).

С помощью греческих исследователей автору удалось посмотреть хранящиеся в Историческом архиве Священного Синода Элладской Православной Церкви (Historical Archives of the Holy Synod of the Greek Church – HANS) в Афинах материалы Синода этой Церкви за годы Второй мировой войны. Кроме того, была предпринята поездка в Софию, где автор работал в Государственном архиве Болгарии. Здесь были изучены как фонды занимавшихся церковными делами учреждений и ведомств этой страны, так и документы самой Болгарской Православной Церкви 1930-х – 1945 гг., в том числе переписка ее Священного Синода с Константинопольской Патриархией, болгарскими общинами в Стамбуле и обителями на Святой Горе (ф. 791к).

Автор работал и в двух содержащих русские церковные документы архивах американских университетов. Первый из них – Бахметьевский архив русской и восточно-европейской истории и культуры находится в Колумбийском университете г. Нью-Йорка (The Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, New York). Другой архив принадлежит Стенфордскому университету, расположенному в Силиконовой долине вблизи г. Сан-Франциско (Калифорния). Одна часть архива хранится в Гуверовском институте войны, революции и мира (Hoover Institution on war, revolution and peace Archives, Stanford University), а вторая – в специальной коллекции университетской библиотеки (Stanford University, Special collections Librarian).

Вторую группу образуют пять церковных архивов, прежде всего, чрезвычайно богатый Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АРПМА), в котором были изучены десятки дел, содержащих документы как самих русских обителей Святой Горы, так и их подворий и метохов в Константинополе.

Большое значение также имели материалы Синодального архива Русской Православной Церкви за границей в г. Нью-Йорке (СА). Из состава его документов для подготовки издания использовались материалы нескольких дел: дела с протоколами заседаний Архиерейского Синода РПЦЗ за 28 ноября 1940 – 18 сентября 1946 гг., протоколами Архиерейских Соборов 1921–1949 гг., перепиской Первоиерарха РПЦЗ митрополита Анастасия (Грибановского), личные дела митрополита Анастасия, епископа Георгия (Граббе) и т. д.

На севере штата Нью-Йорк, в небольшом городке Джорданвилле, находится Архив Свято-Троицкой Духовной семинарии Русской Православной Церкви за границей. Здесь были использованы личные фонды церковного писателя В.А. Маевского (собравшего большое количество документов русских обителей на Святой Горе Афон), историков В.И. Алексеева, протопресвитера Михаила Польского, журналиста В.К. Абданк-Коссовского, содержащие материалы по истории русской церковной эмиграции, в том числе в Турции.

Эти материалы дополняет Архив Германской епархии Русской Православной Церкви за границей в г. Мюнхене (АГЕ). Здесь хранятся дело «Разная переписка. Военные годы» с документами начальника канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ до начала 1930-х гг. Е.И. Махараблидзе, дело «Указы Архиерейского Синода РПЦЗ. Распоряжения Патриархии. 1923–1951 гг.», в котором собраны различные материалы по истории Православной Церкви, в том числе на Балканах.

Следует упомянуть и Архив автокефальной Американской Православной Церкви в Сайоссете (штат Нью-Йорк) – The Archives of the Orthodox Church in Amerika Syosset (OCA Archives). В этом архивохранилище использовались материалы известного церковного историка протоиерея Димитрия Константинова, переписка Константинопольской и других Поместных Православных Церквей с Американской Церковью.

В издании также активно использовались статьи и публикации документов из православных периодических изданий Русской Православной Церкви за границей – прежде всего газеты «Православная Русь» (Ладомирова, Словакия и Джорданвилл, США), журналов «Церковная жизнь» (Белград, Югославия), «Церковное обозрение» (Белград), «Церковная Летопись, Лозанна, Швейцария) и ряда других.

Монография подготовлена главным архивистом Центрального государственного архива Санкт-Петербурга профессором Санкт-Петербургской Духовной Академии доктором исторических наук Михаилом Витальевичем Шкаровским.

Книга предназначена для историков, религиоведов, преподавателей и учащихся Духовных учебных заведений, а также для всех читателей, интересующихся историей Русской и Константинопольской Православных Церквей.

Глава I

Константинопольский Патриархат и его отношения с Русской Православной Церковью в первой половине XX века

1. Потрясения Первой мировой, греко-турецкой войн и межвоенный период (1914-1930-х гг.)

Первая половина XX века стала для Константинопольского Патриархата временем тяжелых испытаний, реформ и серьезных конфликтов с другими Поместными Православными Церквями и светскими властями ряда государств. Одно время под угрозой находилась даже сама дальнейшая возможность его существования. И все же в целом Вселенский Патриархат смог не только сохраниться, но и после бурных потрясений вновь существенно расширить свое влияние. При этом заметную роль играли его непростые взаимоотношения с Московским Патриархатом и русской православной эмиграцией.

К моменту революционных событий 1917 г. и окончания Первой мировой войны Константинопольский Патриархат являлся одним из самых значительных и влиятельных в православном мире. В его состав входили 40 расположенных на территории Османской империи епархий с общим числом верующих более 2 млн человек (в том числе 30 епархий в Малой Азии). Патриарший престол занимал Владыка Герман V (в миру Георгий Кавакопулос). Он родился в 1835 г. в Константинополе (Стамбуле), окончил начальную школу Фанара, Великую национальную школу в Стамбуле и Халкинскую богословскую школу (1863), где принял монашество и был рукоположен во диакона. 22 августа 1864 г. о. Герман был возведен в сан великого архидиакона, 12 марта 1867 г. хиротонисан в митрополита Коса. с марта 1874 по февраль 1876 гг. он состоял членом Священного Синода и возглавлял центральное попечительство над органами образования. 19 февраля 1876 г. Владыка Герман был перемещен на Родосскую митрополию, в 1886 г. вновь избран членом Священного Синода. После отставки Патриарха Иоакима IV (14 ноября 1886 г.) его, несмотря на молодость, рассматривали в качестве кандидата на Патриарший престол. с 1887 г. на всех выборах Первосвященителя он выступал одним из основных кандидатов, но всякий раз вычеркивался из избирательных списков Высокой Портой. Новый Патриарх Дионисий V опять избрал Владыку Германа членом Синода (до 1888), затем он был перемещен на Ираклийскую митрополию. В 1890 г. митрополит снова был призван в члены Синода и стал ближайшим помощником Патриарха Дионисия V в борьбе с Портой за права и прономии Церкви. 3 октября 1890 г. во всех храмах Константинопольского Патриархата был объявлен интердикт – прекращение богослужений в знак протеста против политики турецких властей. Эта мера, вызвавшая осуждение российской дипломатии и священноначалия, а также умеренно настроенных греческих иерархов тем не менее сыграла свою роль. К концу декабря 1890 г. конфликт с Портой был улажен, и паства справедливо считала Владыку Германа победителем в борьбе за права Церкви.

В 1880-1890-е гг. он был председателем Смешанного Совета при Патриархии, народных благотворительных учреждений, попечительства над Халкинской богословской школой, Великой национальной школой, патриаршего печатного органа «Церковная правда» («Церковная истина») и патриаршей типографии, комиссий по архиерейским имуществам и экономической. При этом митрополит Герман возглавлял группу иерархов, которые ориентировались на греческий национальный центр в Афинах и противостояли в этом плане вторично

управлявшему Церковью с 25 мая 1901 г. Константинопольскому Патриарху Иоакиму III, отстаивавшему идею вселенского главенства. Владыке Герману оказывало поддержку влиятельное в Османской империи православное семейство банкиров Стефановиков (Стефановичей), именно он убедил Павла Стефановика профинансировать восстановление разрушенных в 1896 г. землетрясением зданий богословской школы на острове Халки. 10 мая 1897 г. Владыка Герман был перемещен на Халкидонскую митрополию, где он на средства П. Стефановика построил храм Пресвятой Троицы и училище для девочек¹⁸.

Владыка Герман был избран Патриархом в возрасте 63 лет 28 января / 10 февраля 1913 г. (после смерти 13 ноября 1912 г. Патриарха Иоакима III), 5 февраля состоялась его интронизация. По мнению греческих историков, в течение своего патриаршего служения Герман V постоянно дистанцировался от духа и буквы, принятых в 1860 г. Церковно-народным собранием четырех «Общих уставов» Патриархата. Он был сторонником прежней системы управления Константинопольского Патриархата, известной как «геронтизм». Согласно этой, существовавшей с середины XVIII века до 1860 г. системы, несколько старейших митрополитов-геронтов, постоянных членов Синода (сначала 6, а потом 12), приезжавших в Константинополь на длительный срок из своих резиденций, в частности, из Никомидии, Никеи, Халкидона, Деркона, Кизика, Кесарии, Ираклии (Гераклеи) и Эфеса, осуществляли основные линии управления. У геронтов хранилась печать Патриархата, и для принятия каждого документа требовалось их согласие, подписи и оттиск печати. Патриарх Герман также подбирал членов Священного Синода по своему усмотрению, а не на основе списка избранных епископов, подаваемого согласно «Общим уставам»¹⁹.

Однако важнейшие положения этих уставов сохраняли свою силу. Священный Синод состоял из 12 архиереев, сменяемых через два года, причем никто из архиереев – не членов Синода, не мог находиться в Константинополе без специального разрешения Патриарха. Равным образом члены Синода, заседания которого должны были происходить два раза в неделю, не могли отлучаться из столицы. Кроме того, согласно «Общим уставам» было создано особое административное учреждение – Постоянный смешанный совет из 12 членов – четырех архиереев и восьми мирян. В их обязанности входило следить за исполнением завещаний и других актов, рассмотрение вопросов по наследству, наблюдение за школами, больницами, другими богоугодными заведениями и т. д. Таким образом, Патриарх формально (а нередко и фактически) был подчинен в церковных делах Синоду, а в гражданских – Постоянному смешанному совету. Допуск мирян в церковные дела проложил путь к политизации Константинопольской Церкви, которая постепенно попала в зависимость от националистически настроенных богатейших греческих жителей Османской империи, тесно связанных с правительством Греческого королевства. Как справедливо отмечала петербургская исследовательница Л.А. Гердт: «Крайний греческий национализм был тем веянием, которое привнес в церковную жизнь второй половины XIX в. смешанный совет»²⁰.

В 1912–1913 гг. Константинопольская Патриархия приняла непосредственное участие в борьбе с движением русских монахов-имяславцев на Святой Горе Афон. 27 августа Халкинская богословская школа по поручению Патриарха рассмотрела учение имяславие (имябожие) и признала его еретическим²¹. 12 сентября 1912 г. «новое лжеучение» было осуждено грамотой Патриарха Иоакима III²². 29 января 1913 г. иноки Свято-Андреевского скита, который стал

¹⁸ Гердт Л.А. Герман V Патриарх Константинопольский // Православная энциклопедия. Т. XI. М., 2006. С. 263.

¹⁹ Нанакис А. История Вселенского Константинопольского Патриархата в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе XX век. Киев, 2010. С. 30–31, 40.

²⁰ Гердт Л.А. Предисловие // Архимандрит Антонин Капустин. Донесения из Константинополя (1860–1865). М., 2013. С. 21–23.

²¹ Утверждение монахов, что «имя Божие есть сам Бог» было изобличено как ересь «имябожия» или «ономатолатрии».

²² Утро России. 1913. 27 июля.

основным центром движения, были объявлены Протатом Святой Горы отлученными от Церкви впредь до суда Константинопольской Патриархии и запрещенными в служении. 5 апреля того же года имяславие было осуждено как ересь новым Вселенским Патриархом Германом V²³.

Константинопольский Патриарх поддержал Святейший Синод Российской Церкви в подавлении движения и содействовал насильственной высылке имяславцев с Афона. При этом он обратил внимание Святейшего Синода на то, что «с монахами, принявшими законным образом постриг на Афоне, нельзя обращаться как с мирянками и нельзя насильно заставлять их возвращаться в мир. Если они совершили поступок, который должен повлечь за собой снятие сана, то они должны предаваться церковному суду и лишь по утверждении приговора лишаться права носить мантию и клобук»²⁴.

Указом Синода Российской Церкви от 24 августа 1913 г. иноки, не принявшие его послания с осуждением имяславия, были запрещены в священнослужении и причащении Святых Тайн. В послании к Святейшему Синоду Патриарх Герман V выразил пожелание, чтобы изгнанные монахи даже в случае раскаяния не могли быть возвращены на Афон²⁵. При этом Святейший Синод не хотел заниматься судебным разбирательством с имяславцами, стараясь передать его Константинопольской Патриархии. Однако Патриарх Герман V тоже не желал разбирать «афонское дело» и в послании от 11 декабря 1913 г. отклонил предложение Синода, предоставив ему самому определить судьбу афонитов. В кругах, близких к Святейшему Синоду, подобный ответ расценили как нежелание предоставить возможность русским инокам, даже раскаявшимся, вновь водвориться на Святой Горе²⁶.

В первые месяцы после начала летом 1914 г. Первой мировой войны Вселенский Патриарх занял явно выраженную протурецкую позицию. В этой связи в российской прессе приводился следующий факт: «Греческий патриарх в Константинополе обратился с посланием ко всем греческим митрополитам Турции, в котором предписывает в каждое воскресенье за обедней молиться за здоровье султана и о победе Турции над Россией. Патриарх пожертвовал тысячу пар сапог для турецких солдат»²⁷.

Менее чем через год в ходе переговоров между странами Антанты была достигнута договоренность о передаче России после окончания войны Константинополя. Это соглашение было оформлено памятной запиской британского посла в Петрограде Бьюкенена (от 12 марта 1915 г.) и нотой французского правительства (от 16 апреля 1915 г.). Весной того же года российское Министерство иностранных дел поручило своему чиновнику Георгию Сергеевичу Фонвизину (бывшему посланнику) подготовить записку, которая должна была послужить в качестве необходимой информационно-справочной базы при «определении будущего устройства Святой Земли» и статуса Святых мест Палестины при разделе территории Османской империи, а затем – информационно-аналитическую «Записку о Вселенской Патриархии», которую он закончил 6 (19) октября 1916 г.²⁸

Вторая записка Г.С. Фонвизина заключала в себе ответы на целый ряд важных вопросов, которые поставила война перед Российской империей. Среди них были вопросы о Константинополе, дальнейшей судьбе Вселенского Патриархата после «водворения русской власти» в Царьграде, а также «вопрос об Афоне, ввиду того, что он остался вне территориальных

²³ Миндлин А.Б. Подавление религиозного движения русских монахов на греческом Афоне (по материалам российской прессы и Государственной думы) // Церковно-исторический вестник. 2004. № 11. С. 140.

²⁴ Утро России. 1913. 21 июля.

²⁵ Троицкий П. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. М., 2009. С. 163–164; Забытые страницы русского имяславия. М., 2001. С. 299–300.

²⁶ Миндлин А.Б. Указ. соч. С. 146–147.

²⁷ Миссионерский сборник. Рязань. 1914. № 12. С. 987.

²⁸ Якушев М.И. Проекты Российской империи относительно судьбы Босфора и Дарданелл, Константинополя и Вселенского патриархата после победы Антанты в Первой мировой войне. М., 2013. Рукопись. С. 6–7.

границ Турции, будучи оккупирован греческими войсками» в ходе Балканской войны 1912 г. Примечательно, что в афонском вопросе точки зрения российского МИДа и Вселенской Патриархии, «если не совсем совпали, то, во всяком случае, оказались весьма близкими, ибо одним из пожеланий, выраженных Россией относительно Св. Горы, было дальнейшее оставление ее под духовным главенством Вселенского Патриарха»²⁹.

В начале записки давалась картина устройства Константинопольской Церкви и ее управления, рассматривались отношения Вселенской Церкви к Греции и к России после Балканских войн, в результате которых Фанар оказался под жестким контролем греческого правительства, а к России стал относиться непорядочно и неискренне. Однако в дальнейшем он стал задумываться над возможностью изменения опоры на Афины в пользу Петрограда. Отказавшись от идеи уничтожения самостоятельности Константинопольской Церкви, автор записки предлагал несколько изменить ее положение и внутреннее устройство. Наиболее подробно Г.С. Фонвизин останавливался на теме развития отношений между русской церковной властью и Вселенским Патриархатом, а также на проблеме отношения Фанара к русской гражданской администрации. Если при османской власти архиереи этого Патриархата отчасти привлекались к гражданскому управлению, то «при русской власти гражданский строй не потребует участия вероисповедных духовных представителей», и «иерархи не будут более отвлекаться от исполнения своих церковных обязанностей». Автор записки рассматривал будущее положение Константинопольской Церкви, ее архиереев и паствы в условиях, когда «при водворении русской власти» константинопольская православная община «не будет иметь основания пользоваться особым положением, выделенным из среды других частей населения»³⁰.

Предполагая «в новых условиях» сокращение количества митрополий Константинопольского Патриархата, а также появление на берегах Босфора значительного количества русских людей, для которых понадобятся русские храмы и духовенство, Г.С. Фонвизин рекомендовал ввести в состав Константинопольской Церкви русского архиерея в качестве полноправного члена Синода, предложил выделить ему самостоятельную Дерконскую митрополию, с местопребыванием митрополита на Верхнем Босфоре, вблизи Константинополя.

В заключительной части записки ее автор констатировал, что водворение русской власти в Царьграде восстановит христианский характер «Града Константина и Златоуста на общую радость Православного мира», которому должны быть возвращены его святыни, восстановленные в их прежнем величии. В этом деле, по мнению Г.С. Фонвизина, император Николай II явится истинным главой православного мира. Причем российский император мог бы стать почетным ктитора храма Премудрости Божией, а Вселенский Патриарх – его почетным настоятелем. Святынями, которые подлежали восстановлению на этих основаниях, могли бы быть Святая София и храм Божией Матери во Влахернах, который должны будут воссоздать русские зодчие и который впоследствии мог бы стать подворьем русского архиерея, не нарушая при этом «канонических прав» Константинопольского Патриарха³¹. Во вновь превращенной из мечети в православный храм Святой Софии допускалось употребление церковно-славянского языка за богослужением.

Эти планы не были утверждены. Через несколько месяцев после составления записки разразилась Февральская революция 1917 г., и все проекты Министерства иностранных дел России решить Восточный вопрос, включая судьбу Константинополя и Вселенского Патриархата, после победного завершения Первой мировой войны так и остались нереализованными.

Между тем, важнейшей проблемой, с которой пришлось столкнуться в период Первой мировой войны Патриарху Герману V, стало насильственное перемещение греческого населе-

²⁹ Там же. С. 8.

³⁰ Там же. С. 9–10.

³¹ Там же. С. 10–11.

ния из западной части Малой Азии. Эта акция была предложена немецким генералом Лиманом фон Зандерсом, чтобы обеспечить лучшую защиту Дарданелл в случае наступления в этом районе войск стран Антанты, однако для турецких властей уже вскоре главным побудительным мотивом стало изменение этнического состава населения побережья Эгейского моря, в котором преобладали греки. В 1915 г. около 774 тыс. греков, среди которых значительную часть составляли люди старше 45 лет, отправили во внутренние области Османской империи (прежде всего Анатолию) для бесплатной работы в составе так называемых «трудовых отрядов» на шахтах, в карьерах, на строительстве дорог и в полях. К концу 1918 г. 250 тыс. из них погибли из-за тяжелых условий жизни и труда³².

В этой связи Константинопольская Патриархия неоднократно посылала свои обращения в Высокую Порту, но безрезультатно. Патриарх Герман V просил греческое правительство при поддержке короля Константина, тесно связанного с Германией, обратиться при немецком посредничестве к турецким властям для решения проблемы депортации. Однако начало боевых действий в районе Дарданелл и отзыв из Константинополя послов стран Антанты сильно затруднили дипломатические маневры со стороны Патриархии. В этой ситуации большинство членов Священного Синода и Смешанного Совета выражали недовольство неумелой политической престарелого Первосвященителя. Характерно, что когда в октябре 1918 г. был создан Центральный Патриарший комитет помощи перемещенному греческому населению, его возглавил открыто оппозиционный Патриарху Герману V митрополит Эносский Иоаким. В 1918–1919 гг. из депортированных с берегов Эгейского моря 773 915 греков назад вернулось лишь около 10 % – 79 034 человека³³.

Осенью 1917 г. Константинопольский Патриарх особыми грамотами приветствовал восстановление в России Патриаршества и лично – избранного Московским Патриархом святителя Тихона (Белавина). В этой связи 21 ноября на Троицком подворье в Москве с приветственной речью выступил в качестве представителя Вселенской Патриархии архимандрит Иаков³⁴. В апреле 1918 г. Патриарх Московский и всея России Тихон написал Владыке Герману V свое мнение по вопросу о возможности введения нового календарного стиля в богослужебную практику в Церквах Православного Востока и России, а 28 мая отправил Константинопольскому Патриарху послание о начавшихся в стране гонениях на Церковь³⁵.

В октябре 1918 г. по благословению Патриарха Германа V митрополит Афинский Мелетий (Метаксакис) посетил США и без согласия канонической власти Российской Православной Церкви в Северной Америке, которую в отсутствие находившегося в Москве архиепископа Алеутского и Североамериканского Евдокима (Мещерского), осуществлял епископ Канадский Александр (Немоловский), учредил в Нью-Йорке Синодальную комиссию во главе с титулярным епископом Родостольским Александром (Димоглу), начавшую объединение греческих приходов в Северной Америке в юрисдикции Элладской Православной Церкви.

Как раз в это время Патриарх Герман V был вынужден удалиться на покой в результате протестов православных греков против его чрезмерно компромиссной политики по отношению к турецким властям. 5 октября 1918 г. во время Великого входа при совершении литургии в патриаршем храме раздались крики: «Долой!» Почувствовав себя плохо, Патриарх обратился к народу с просьбой успокоиться и затем обещал через митрополита Прусского уйти в отставку. Это произошло 12/25 октября 1918 г. (Владыка Герман поселился в Халкидоне и в

³² См.: Runciman S. The Great Church in Captivity: A Study of the Patriarchate of Constantinople from Eve of the Turkish Conquest to the Greek War of Independence. Cambridge, 1968.

³³ Нанакис А. Указ. соч. С. 31–32.

³⁴ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 58–59, 324.

³⁵ Там же. С. 129–133.

декабре 1920 г. скончался, похоронен он был в церкви Пресвятой Троицы в Халкидоне)³⁶. В тот же день Местоблюстителем Патриаршего престола с перевесом в один голос был избран митрополит Прусский (по другому Прусийский, от г. Пруса – современная Бурса) Дорофей (Маммелис), занимавший эту должность до своей смерти в 1921 г.

В январе 1920 г. Священный Синод Константинопольского Патриархата под его председательством опубликовал окружное послание (энциклику) «К церквям христианским, во всем мире обретающимся». Изданное в период греко-турецкой войны, послание было ориентировано на православно-англиканское сближение. В нем выражалась особая надежда на продуктивный экуменический диалог, имеющий своей целью снятие противоречий в отношениях разрозненных христианских деноминаций для «подготовки и облегчения дела полного, со временем, при помощи Божией, благословенного воссоединения всех Церквей». Одним из средств достижения межхристианского единства энциклика называла «принятие общего календаря ради единовременного празднования великих христианских праздников всеми Церквями». Послание было издано на греческом, английском, французском и русском языках и разослано всем Предстоятелям Поместных Православных Церквей и главам инославных исповеданий³⁷.

Причина длительного (трехлетнего) вдовства Константинопольской кафедры заключалась в том, что правительство Греции под руководством премьер-министра Елевферия (Элефтериоса) Венизелоса планировало существенное расширения границ страны за счет населенных греками малоазиатских земель Османской империи (т. е. территории древней Византийской империи) и опасалось, что новый утверждаемый султаном Патриарх может занять протурецкую позицию (в соответствии с выраженной в общих уставах довоенной практикой избрание должен был ратифицировать султан). После подписания в августе 1920 г. Севрского мирного договора и ухода в отставку Е. Венизелоса избранное 1 ноября 1920 г. новое греческое правительство стало меньше ориентироваться на завоевания в Малой Азии и высказало желание вернуть на Патриарший трон Германа V. Однако члены Константинопольского Синода во главе с митрополитом Дорофеем выразили несогласие с новой политикой Греции и не поддержали инициативу по переизбранию Владыки Германа, они по-прежнему ориентировались на максимально возможные греческие завоевания в Малой Азии³⁸.

Так, в своей записке новому премьер-министру Греции Раллису профессор Афинского университета Христос Андруцос (выпускник Халкинской богословской школы) в конце 1920 г. писал, обличая эти взгляды: «Константинополь страдает синдромом Венизелоса, что легко объяснимо, так как разные люди, по незнанию обстоятельств дела, поставлены на службу иностранным интересам. Со временем положение уладится само собой, когда продвинется вперед решение национальных вопросов. Поэтому я полагаю, что создание какого-либо представительства с целью надзора за происходящим и исправления положения было бы излишним. Достаточно того, чтобы греческие властные кадры следили за течением дел и управляли им. Прочее придет позже»³⁹.

Ко времени избрания митрополита Дорофея Местоблюстителем Патриаршего престола Османская империя уже потерпела поражение в Первой мировой войне, Стамбул был занят войсками стран Антанты (в основном английскими) и несколько лет фактически снова назывался Константинополем. Его освобождение вызвало у христианского населения надежды на

³⁶ Гердт Л.А. Указ. соч. С. 263.

³⁷ Окружное соборное послание Константинопольской Церкви «К церквям христианским, во всем мире обретающимся» // Вестник РХД. Париж – Нью-Йорк – Москва. 1996. № 173. С. 37–39; Ветошников К. История Константинопольского Патриархата в XX веке: дисс. канд. богословия. Сергиев Посад, 1996. С. 142.

³⁸ Священник Сергей Говорун. Дорофей (Маммелис), митрополит // Православная энциклопедия. Т. XVI. М., 2007. С. 24–25.

³⁹ Нанакис А. Указ. соч. С. 33–34.

повторное утверждение Православия на берегах Босфора. 21 января 1919 г., находясь под защитой расположенного в городе греко-иритского полка, митрополит Дорофей отменил преподавание турецкого языка в греческих школах города. 16 марта в храмах Константинополя была обнародована прокламация об «Объединении с Грецией», после чего Патриархия и местные греки, в надежде на поддержку английских войск, отказались признавать султанское правительство. В то время в Константинополе проживало около 150 тыс. православных греков (в настоящее время их осталось только 2 тыс.). После того, как греки отвергли участие в ноябрьских выборах, разрыв с турецкими властями оказался полным. Таким образом, Константинопольская Патриархия фактически организовала политический заговор против Османской империи.

Желая получить поддержку всех нетурецких сил в регионе, Патриархия начала активно устанавливать связи с другими конфессиями. Так, в январе 1919 г. в Константинополе была проведена греко-армянская конференция, с целью координации деятельности этих двух групп населения в городе. 28 марта того же года митрополит Дорофей писал архиепископу Кентерберийскому: «Мы умоляем Вас оказать энергичную поддержку Британскому правительству... в его усилиях удалить турок [из Стамбула]. Воскрешение Христианства на Ближнем Востоке и восстановление храма Святой Софии не может быть достигнуто никакими иными средствами, кроме этого совершенного и окончательного изгнания»⁴⁰.

Надежды на «установление креста» на куполе главного христианского храма Византийской империи – соборе Святой Софии (используемом в качестве мечети) – в то время казались близкими к осуществлению. 20 марта 1919 г. в интервью корреспонденту «Вашингтон Пост» глава Элладской Церкви митрополит Мелетий (Метаксакис) «искренне и с энтузиазмом» заявил: «На первую службу в восстановленный храм Св. Софии в Константинополе будут приглашены не только разные представители отдельных православных юрисдикций – Греческой, Русской, Румынской, Сербской, Сирийской, Болгарской и т. д., но также римский епископ [то есть Папа], различные Восточные Церкви и все Протестантские Церкви Христианского мира»⁴¹. В этом году греческому полковому священнику даже удалось отслужить первую литию в соборе Святой Софии после 465-летнего перерыва⁴².

Летом 1919 г. митрополит Кесарийский Николай от имени Вселенской Патриархии принял приглашение организационного комитета Всемирного христианского конгресса в рамках движения «Вера и устройство» участвовать на будущий год в его подготовительной встрече (конференции) в Женеве. При этом Владыка Николай сказал, что Патриархия «протягивает руку помощи трудящимся на том же поле и в том же винограднике Господнем»⁴³.

В январе 1920 г. митрополит Дорофей в связи с установлением в то время отношений Патриархата с Евангелическо-Лютеранской Церковью Швеции и визитами в Константинополь представителей Епископальной Церкви США выпустил окружное послание «Церквам Христа, везде сущим», в котором говорилось: «...необходимо возродить и укрепить любовь между Церквами, которые являются не чуждыми друг к другу, а родными и близкими во Христе, «сонаследниками и сопричастниками обетования Божия во Христе»... Эти дружба и благорасположение друг ко другу могут, по нашему мнению, проявляться следующим образом: 1) путем принятия единого календаря с одновременным празднованием больших христианских праздников всеми Церквами; 2) путем обмена братскими посланиями в большие праздники церковного года, а также и при других важных обстоятельствах; 3) путем более близких отношений находящихся всюду представителей различных Церквей; 4) путем общения богословских школ

⁴⁰ Мосс В. Православная Церковь на перепутье (1917–1999). СПб., 2001. С. 82, 86.

⁴¹ The Washington Post. 8.04.1919.

⁴² Греция // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2006. С. 386.

⁴³ Мосс В. Указ. соч. С. 82.

и представителей богословской науки и путем обмена публикуемыми в каждой Церкви богословскими трудами и церковной периодикой; 5) путем направления студентов одной Церкви в школы другой; 6) путем созыва всехристианских конференций для изучения вопросов, имеющих общий для всех Церквей интерес; 7) путем беспристрастного и исторически обоснованного изучения догматических различий на кафедрах и в публикуемых трудах; 8) путем взаимного уважения к имеющимся в различных Церквях традициям и обычаям; 9) путем взаимного предоставления в пользование молитвенных домов и кладбищ для погребения на чужбине скончавшихся последователей других исповеданий; 10) путем урегулирования между различными исповеданиями вопроса о смешанных браках.»⁴⁴.

Местоблюститель Вселенского Патриаршего Престола также предлагал создать Лигу Церквей – содружество всех христианских Церквей для взаимной помощи, сотрудничества и достижения единства. Название предлагаемой организации оказалось заимствовано от созданной после окончания I Мировой войны Лиги Наций, но цели были церковные – благо Церквей и их единства пред лицом внешнего и враждебного мира. Хотя подобное предложение о создании содружества Церквей для совместной деятельности в сфере моральных и социальных проблем современного христианского мира высказали и православные делегаты на Женевской конференции 1920 г., планируемая организация так и не была создана⁴⁵.

На подготовительную встречу Всемирного христианского конгресса в рамках движения «Вера и устройство», состоявшуюся 12–20 августа 1920 г. в Женеве, была направлена Константинопольская делегация во главе с митрополитом Селевкийским Германом (Стринопулос), который 9–12 августа также участвовал в качестве наблюдателя в подготовительной встрече движения «Жизнь и работа». В том же году Вселенский Патриархат впервые направил делегацию на устраиваемую Англиканской Церковью Ламбетскую конференцию в Лондон⁴⁶.

Митрополит Досифей также занимался проблемами беженцев, исламизации православных греков, насилия над ними со стороны турок, призыва греков в турецкую армию. При его поддержке в 1919 г. возник «Священнический союз», призванный способствовать улучшению благосостояния клира и проведению церковных реформ. Печатными органами союза стали журналы «Возрождение (выходил в 1919–1922)» и «Новый пастырь» (1919–1923). Был организован ряд комиссий: по церковным преобразованиям, календарному вопросу, сближению с другими Церквями и др.⁴⁷

Несмотря на сложную внутреннюю ситуацию, Константинопольская Патриархия уже при митрополите Досифее начала вмешиваться в церковные дела на канонической территории Московского Патриархата. Так, в 1919–1920 гг. она вела переговоры о признании автокефалии Украинской Православной Церкви. В период правления на значительной части Украины возглавляемой С. Петлюрой Директории ею был взят курс на достижение автокефалии Православной Церкви на Украине и принят «Закон о верховной власти в Украинской автокефальной православной миротворческой Церкви», основные положения которого предусматривали разрыв с Русской Православной Церковью и усиление роли украинского государства в религиозных делах. Сразу же после провозглашения 1 января 1919 г. автокефалии режим С. Петлюры предпринял шаги, направленные на придание международной легитимности данному шагу. В этих целях правительство так называемой Украинской народной республики поставило задачу добиться поддержки принятого декрета со стороны Поместных Православных Церквей и в первую очередь Константинопольского Патриархата. В рамках этой политики правительство

⁴⁴ Православие и экуменизм. Документы и материалы 1902–1998. М., 1999. С. 69–70.

⁴⁵ Там же. С. 76.

⁴⁶ Священник Сергей Говорун. Указ. соч. С. 25.

⁴⁷ Там же. С. 24–25.

решило послать в Константинополь специальную миссию во главе с комиссаром Министерства вероисповедания Олексой Потоцким.

Делегация прибыла на берега Босфора в апреле 1919 г. и на начавшихся в июне того же года переговорах информировала Патриархию о состоянии церковных дел на Украине. По словам О. Потоцкого, переговоры показали, что Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Дорофей больше всего опасался, как бы признание Фанаром православной автокефалии на Украине не вызвали репрессий со стороны Российской империи в случае возрождения⁴⁸. Кроме того, в Константинополе в тот период находились некоторые из украинских иерархов Русской Православной Церкви: митрополит Одесский Платон (Рождественский), епископ Чигиринский Никодим (Кротков), митрополит Киевский Антоний (Храповицкий) и архиепископ Волынский Евлогий (Георгиевский) – два последних незадолго до этого были подвергнуты аресту петлюровцами в Киеве и фактически изгнаны с Украины⁴⁹.

По свидетельству О. Потоцкого, эти Владыки побывали на аудиенции у митрополита Дорофея и выразили свое разочарование по поводу контактов Фанара с миссией Директории и надежду, что эта ошибка будет исправлена в интересах Православной Церкви. Однако переговоры продолжились, результатом чего стало появление проекта письма Патриархии на имя С. Петлюры, в котором выражалось убеждение, что претензии на признание «автокефалии Украинской Православной Церкви не лишены исторических и канонических оснований». В этом же документе определялись три условия, при которых Константинопольская Патриархия готова была пойти на признание автокефалии: «Святой Синод считал бы, что с его точки зрения не существует препятствий для того, чтобы согласиться с такой определенно обоснованной просьбой, если эта просьба соответствует необходимым каноническим условиям... К таковым относятся: во-первых, независимость страны; во-вторых, обращение украинской власти и украинской церкви по этому вопросу в той церкви, к которой она принадлежала; наличие вселенского патриарха, которое необходимо, чтобы принятое в дальнейшем решение носило легитимный характер»⁵⁰. По мнению современной украинской историографии, этот промежуточный вариант письма явился уступкой Фанара аргументации со стороны архиереев Русской Православной Церкви⁵¹.

В ходе продолжавшихся переговоров О. Потоцкому удалось добиться удаления второго пункта из заключительной редакции письма Константинопольской Патриархии. Но и в данном варианте послания от 9 марта 1920 г. сохранилось положение о том, что вакантность Патриаршей кафедры не позволяет Константинополю определиться в вопросе автокефалии Православной Церкви на Украине. Кроме того, судьба режима Петлюры весной 1920 г. была практически предрешена: большая часть Украины находилась под контролем Красной армии, а Западная Украина оказалась занята Польшей, что, несомненно, учитывал Фанар, не желая связывать себя далеко идущими обязательствами перед украинской стороной.⁵²

После завершения переговоров в марте 1920 г. О. Потоцкий отбыл из Константинополя, оставив послом при Патриаршем престоле князя И. Токаржевского-Карашевича, принявшего весной 1921 г. от Вселенской Патриархии грамоту, в которой содержалось благословение находившимся к тому времени в эмиграции «главе украинского государства, правительства и Украинской Православной Церкви». Украинская эмигрантская историография расценивала форму-

⁴⁸ Милякова Л.Б. Вопрос о признании автокефалии Православной Церкви на Украине Константинопольским Патриархатом в период С. Петлюры // XVI ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: материалы. Т. 1. М., 2006. С. 114–115.

⁴⁹ Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 291–317.

⁵⁰ Милякова Л.Б. Указ. соч. С. 116.

⁵¹ Андрусишин Б. Церква в Українській державі. 1917–1920. Київ, 1997. С. 58.

⁵² Милякова Л.Б. Указ. соч. С. 116.

лировки послания как определенной шаг Патриархии в направлении признания автокефалии Православной Церкви на Украине⁵³.

В июле 1920 г. в Константинополь приехал представитель правительства Польши Иодко с целью выяснения вопроса о возможном переходе Польской Православной Церкви из юрисдикции Московского Патриархата в юрисдикцию Константинопольского. Согласно сообщению российского посланника в Константинополе А.А. Нератова начальнику Управления иностранных дел Г.К. Трубецкому, греческие иерархи в принципе были готовы к положительному решению вопроса. В качестве прецедента Вселенская Патриархия хотела использовать пример Галиции, где православные общины с начала XX века теоретически возглавлял Константинопольский Патриарх в лице своего экзарха – митрополита Антония (Храповицкого). В своем письме А.А. Нератов также отмечал, что в результате временных поражений турок шовинизм греков резко вырос. Вселенская Патриархия проявляла отчуждение по отношению к турецким властям, а в некоторых константинопольских церквях открыто поминали греческого короля Александра⁵⁴.

Против планируемой акции активно выступило Высшее Церковное Управление на Юго-Востоке России. Пребывавший в Константинополе архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский) постарался выяснить точку зрения греческих иерархов и заявить им «о неизбежности взаимоотношений между Патриархом Тихоном и польскими архиереями». Владыка Анастасий позднее сообщал, что к его расспросам греки отнеслись сдержанно, хотя и заявили, что «ему нет оснований беспокоиться о каких-либо решениях, неприемлемых для России», тем более что советско-польская война еще не закончилась. В результате вопрос был временно закрыт⁵⁵. При этом митрополит Дорофей благожелательно принял прибывшее с войсками Врангеля в ноябре 1920 г. в Константинополь российское духовенство и фактически санкционировал деятельность Высшего Русского Церковного Управления за границей на территории Вселенского Патриархата.

Согласно Севрскому мирному договору, заключенному в августе 1920 г. между странами Антанты и Османской империей, Константинополь был объявлен вольным городом под международным контролем. В марте 1921 г. делегация Константинопольской Патриархии во главе с митрополитом Дорофеем отправилась в Лондон для участия в международной мирной конференции, на которой обсуждалась судьба Османской империи. Здесь Владыка Дорофей встретился с министром иностранных дел Великобритании лордом Керзоном, королем Георгом V и архиепископом Кентерберийским, но 19 марта внезапно скончался в результате заболевания дыхательных путей, давшего осложнение на сердце, – как раз в тот момент, когда должен он был получить почетный титул вице-президента Всемирного Конгресса за дружбу во всем мире через Церкви⁵⁶. с 21 марта Местоблюстителем Константинопольского Патриаршего престола около восьми месяцев был митрополит Кесарийский Николай. Следует отметить, что в августе 1921 г. международный Севрский договор оставил туркам контроль над Константинополем, хотя и защитил права религиозных и национальных меньшинств.

25 ноября / 8 декабря 1921 г. Вселенским Патриархом вопреки большинству архиерейских голосов, полученных митрополитом Амасийским Германосом (Караванзелисом), стал бывший глава Элладской Церкви архиепископ Мелетий (в миру Эммануил Метаксакис) – активный сторонник антитурецкого политического курса своего дяди премьер-министра Греции Е. Венизелоса, борец за идеи панэллинизма, энергичный модернист и реформатор Церкви. Он родился 21 сентября 1871 г. в с. Парсас на Крите, в 1889 г. поступил в семинарию Свя-

⁵³ Хома Л. Апостольський Престил і Україна. 1919–1932. Рим, 1987. С. 67.

⁵⁴ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг.: Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011. С. 59.

⁵⁵ Там же. С. 60; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 3696, оп. 1, д. 2, л. 106–106 об.

⁵⁶ Мосс В. Указ. соч. С. 87.

того Креста в Иерусалиме, в 1892 г. был пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона. После окончания семинарии, в 1900–1908 гг. о. Мелетий служил секретарем Священного Синода Иерусалимской Церкви, но в 1908 г. Патриарх Дамиан изгнал его со Святой Земли за «деятельность против Святого Гроба». В 1910 г. Владыка Мелетий был хиротонисан во епископа и назначен митрополитом Китийским (на Кипре), в 1916 г. переехал в Грецию и в феврале 1918 г. был избран митрополитом Афинским – Первоиерархом Элладской Церкви, однако пробыл на этом посту недолго. 17 ноября 1920 г. он был низложен «за неканонические деяния», фактически низведен до положения простого монаха и заключен в монастыре св. Дионисия Строфадского на о. Закинфе, откуда в феврале 1921 г. уехал в Америку. Оказавшись в США, изгнанный митрополит активно занялся организацией греческой архиепископии Северной и Южной Америки, которая была провозглашена 15 сентября 1921 г., включив в свой состав около 130 приходов. Всю свою жизнь Владыка Мелетий являлся пламенным борцом за политические идеи панэллинизма, энергичным модернистом и реформатором Церкви⁵⁷.

Митрополит Германос так вспоминал о приходе митрополита Мелетия на Константинопольский престол: «Мое избрание в 1921 г. на Вселенский престол было несомненным. Из 17 голосов 16 было подано за меня. Тогда один из моих мирских друзей предложил мне 10 000 лир, если я откажусь от избрания в пользу Мелетия Метаксакиса. Естественно, я отверг это предложение с негодованием и отвращением. Однако ночью перед выборами меня неожиданно посетила делегация из трех человек, членов «Лиги Национальной Обороны». Они стали горячо убеждать меня снять свою кандидатуру в пользу Мелетия Метаксакиса. Члены делегации сказали, что Мелетий имеет возможность внести 100 000 долларов на нужды патриархии и, состоя в весьма дружеских отношениях с протестантскими епископами в Англии и Америке, может быть полезен в международных делах. Поэтому национальные интересы требуют, чтобы патриархом был избран Мелетий Метаксакис. Таково было и желание Елевферия Венизелоса. Я продумал над этим предложением всю ночь. В патриархии царил экономический хаос. Афинское правительство перестало посылать субсидии, а других доходов не было. Регулярное жалование не выдавали уже в течение девяти месяцев. Благотворительные организации патриархии находились в критическом материальном положении. По этим причинам и ради блага народа я принял это предложение...»⁵⁸.

После отказа митрополита Германоса, 6 декабря 1921 г., было принято предложение Константинопольского Синода отложить избрание Патриарха. Однако вскоре архиереев, голосовавших за то, чтобы перенести выборы, заменили другими, и два дня спустя – 8 декабря Владыка Мелетий все-таки был избран, получив 16 голосов из 18. Одной из наиболее влиятельных поддержавших его сил была созданная в конце 1920 г. в Константинополе греческими офицерами организация «Амина» («Оборона»), выступавшая за независимость греческой части Малой Азии. В донесении, посланном из Константинополя в Афины сразу после выборов комиссаром Воцисом, говорилось, что «Оборона», приняв решение остановиться на кандидатуре митрополита Мелетия, сохраняла, однако, «строжайшую секретность, опасаясь вызвать недовольство и потерять поддержку иерархов, голосовавших за наиболее вероятного кандидата». Значительное влияние на исход выборов оказала телеграмма от Е. Венизелоса, подписанная, правда, лишь его секретарем. Избранию не помешали ни отсутствие на телеграмме подписи премьер-министра Греции, ни возражение, высказанное судовладельцем Кириакидесом на собрании избирателей накануне выборов, что «пребывание на патриаршем престоле

⁵⁷ Там же. С. 92; Священник Срболоб Милетич. Мелетий (Метаксакис): митрополит, архиепископ, Папа и Патриарх // URL: <http://www.pravoslavie.ru>.

⁵⁸ Мосс В. Указ. соч. С. 92–93; Delimbasis A.D. Pascha of the Lord, Creation, Renewal, and Apostasy. Athens, 1985. P. 662.

человека, глубоко преданного Венизелосу, неизбежно приведет нацию к решительному разделению»⁵⁹.

Новый Патриарх Мелетий IV, после прощального богослужения в нью-йорском соборе св. Елевферия, выехал в Европу. Перед выездом, 22 декабря, он встретился с американским президентом Хардингом и ходатайствовал о защите проживавших в бывшей Османской империи греков от притеснений турок, а по пути из Америки в Константинополь посетил Лондон и Париж, где встретился с премьер-министрами Великобритании и Франции Ллойд-Джорджем и Пуанкаре с целью получить их поддержку для создания греческого королевства в западной части Малой Азии. В январе 1922 г. Патриарх Мелетий IV прибыл в еще занимаемый войсками Антанты Стамбул на корабле под византийским желтым флагом с черным орлом. Турецкое правительство опротестовало это избрание⁶⁰.

30 декабря 1921 г. большинство архиереев Константинопольского Патриархата (7 из 12 членов Священного Синода и около 60 епископов из новых областей Греции) под председательством митрополита Кизического Константина собрались в Солониках, где объявили о том, что «выбор Метаксакиса проведен при явном нарушении священных канонов», и предложили осуществить «действительный и канонический выбор Константинопольского Патриарха»⁶¹.

Они известили об этом решении остальных восточных Патриархов (Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского), которые поддержали его. Два члена Синода 25 декабря встретились в Афинах с тогдашним премьер-министром Греции Гунарисом, предупредив его об опасностях, угрожавших в связи с избранием митрополита Мелетия. Но, несмотря на непризнание других Первосвятителей, Владыка Мелетий все-таки стал Вселенским Патриархом. В своем слове при интронизации 22 января 1922 г. он так выразил путь своей дальнейшей деятельности: «Я отдаю себя на служение Церкви, чтобы с ее первого престола способствовать развитию, насколько возможно, более тесных дружеских отношений с неправославными христианскими церквями Востока и Запада, для продвижения дела объединения между теми и другими»⁶².

Свою первосвятительскую деятельность Патриарх Мелетий начал с попыток значительно расширить сферу влияния Константинопольского Патриархата. В конце 1921 г., используя тяжелое положение Русской Православной Церкви, он предоставил Священному Синоду Элладской Церкви «право» принять в свою юрисдикцию ранее находившиеся в ведении Московского Патриархата греческие приходы в Северной Америке, без согласия их священноначалия. Но уже вскоре указом от 14 марта 1922 г. Патриарх Мелетий, без всякого согласования с Элладской Церковью, перевел греческую архиепископию Америки в свою юрисдикцию (впоследствии из Североамериканской русской епархии выделались и другие нерусские приходы, образуя епархии в составе Православных Церквей своих национальностей). 11 мая 1922 г. во главе греческой архиепископии был поставлен бывший епископ Родостольский Александр (Димоглу), управлявший ею до 1930 г.⁶³

30 мая 1922 г. был опубликован Патриарший Томос об официальном открытии архиепископии Северной и Южной Америки с центром в Нью-Йорке. 11 августа того же года в Нью-Йорке на II Соборе духовенства и мирян греческой архиепископии в Америке был разработан новый устав, предоставлявший ей административную автономию. Учреждались три новые епархии – Сан-Францисская, Чикагская и Бостонская, архиереи которых вместе с архиепископом Нью-Йоркским и Американским должны были составить Архиерейский Синод. Согласно

⁵⁹ Нанакис А. Указ. соч. С. 35–36.

⁶⁰ Там же. С. 36–37.

⁶¹ Священник Димитрий Успенский. Знамение над Афинами // Старый стиль лучше новых двух. Что такое календарная реформа. М., 2004. С. 134.

⁶² New York Times. 1.01.1922.

⁶³ Троицки С. Црквена јурисдикција над православном диаспором. Сремски Карловци, 1932. С. 5.

новому уставу Собору духовенства и мирян принадлежало право избирать трех кандидатов на вдовствующие кафедры, Архиерейский Синод выбирал из них одного и Патриарх утверждал кандидата; только архиепископ Нью-Йоркский должен был выбираться и поставляться Патриархом. Владыка Мелетий утвердил этот устав, но просуществовал он не слишком долго⁶⁴.

Наряду с переводом в свою юрисдикцию греческой архиепископии Америки и других общин греческой диаспоры (переданных Патриархом Иоакимом III согласно Томосу от 2 марта 1908 г. под управление Элладской Церкви) Константинопольский Священный Синод 1 марта 1922 г. принял решение «об обязательном и исключительном подчинении» ему всей диаспоры православного рассеяния и всех православных приходов и епархий, находящихся вне границ государств, в пределах которых пребывают Поместные Православные Церкви (что особенно негативно сказалось на положении приходов Русской Православной Церкви за пределами СССР)⁶⁵. Эти действия основывались на неверном толковании 28-го канона IV (Халкидонского) Вселенского Собора, якобы дающего Константинополю право на принятие под свою юрисдикцию всех «варварских стран». Так возникло не существовавшее раньше учение об особых юрисдикционных правах Константинопольского Патриарха, якобы распространявшихся не только на греческую, но и вообще на всю православную диаспору в мире.

Подобные идеи Владыка Мелетий вынашивал еще до своего избрания Патриархом. Весной 1921 г. в США он высказал их сербскому епископу Николаю (Велимировичу). В своем отчете Священному Архиерейскому Собору Сербской Церкви от 26 июня 1921 г. епископ Николай сообщает об этом следующее: «Позицию греков мне лучше всего объяснили митрополит Афинский Мелетий Метаксакис, находящийся сейчас в изгнании в Америке...»

Митрополит Мелетий считает, что по каноническим правилам, верховный надзор над Церковью в Америке должен принадлежать патриарху Константинопольскому. Он апеллирует к канону 28 IV Вселенского собора, согласно которому все церкви в странах «варварских» принадлежат юрисдикции Патриарха в Константинополе. Эта юрисдикция, по его мнению, была бы скорее почетной, а реальнее проявлялась бы только в случаях апелляции одной из недовольных сторон⁶⁶.

До этого никто не толковал подобным расширительным образом 28-й канон IV Вселенского Собора. И ни один Константинопольский Патриарх до Владыки Мелетия не пытался заменить первенство чести первенством власти, или подменить соборность Церкви тезисом о верховном суде Константинополя в случаях обращения одной недовольной стороны в церковном споре. Как справедливо отмечал сербский священник Срблюб Милетич, впервые в истории Патриарх пытался повести Константинопольскую Церковь в абсолютно неканоничный и скандальный административный завоевательный поход в чужие страны и на чужую паству⁶⁷.

5 апреля 1922 г. Патриарх Мелетий учредил Фиатирскую митрополию с центром в Лондоне, во главе которой поставил сторонника своих реформ митрополита Германа (Стринопулоса) с титулом экзарха Западной и Центральной Европы (в то время в Великобритании было только 4 греческих общины, которые ранее окормляла Элладская Церковь). Этому экзарху должно было подчиниться все православное население данного региона независимо от национальности, и вскоре Константинопольская Патриархия начала оспаривать канонические права митрополита Евлогия (Георгиевского) управлять русскими приходами в Западной Европе⁶⁸.

В апреле 1922 г. Патриарх Мелетий также обратился к архиепископу Алеутскому и Северо-Американскому Александру (Немоловскому) и другим архиереям Русской Православ-

⁶⁴ Греческая Церковь в Америке // Церковные ведомости. 1923. № 19/20. С. 16.

⁶⁵ Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Церкви 1917–1997. М., 1997. С. 572; Троицкий, С.В. О границах распространения права власти Константинопольского Патриарха на «Диаспору» // ЖМП. 1947. № 11. С. 34.

⁶⁶ Епископ Николај Велимировић. Сабрана дела. Књ. 10. Хилместир, 1983. С. 467.

⁶⁷ Священник Срблюб Милетич. Указ. соч.

⁶⁸ Троицки С. Указ. соч. С. 5.

ной Церкви в Северной Америке с предложением о переходе в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Архипастыри рассмотрели это обращение на конференции 7 мая и решительно отвергли его. Вскоре, 11 мая, Патриарх Мелетий назначил греческого архиепископа Родостолонского Александра своим экзархом в Северной и Южной Америке. На турецких и греческих землях были созданы четыре новые епархии: Бриульская, Пергамская, Мосхонисийская и Александрупольская, а три старые – Меленикосская, Боденская и Могленская – переименованы соответственно в Сидирокастрскую, Эдесскую и Флоринскую.

Кроме того, новый Патриарх значительно укрепил (теперь уже в новом качестве) свои и прежде тесные связи с англиканами. Так, 17 декабря 1921 г. греческий посол в Вашингтоне известил префектуру в Салониках, что Владыка Мелетий «в облачении принял участие в англиканском богослужении, кланялся с англиканцами на молитве, целовал их престол, проповедовал и позднее благословил присутствовавших»⁶⁹. 28 июля 1922 г., по настоянию Мелетия IV, Константинопольский Синод создал комиссию по изучению вопроса законности англиканских епископских хиротоний. Заслушав доклад комиссии, Священный Синод принял положительное решение: «Православные богословы, которые научно изучили этот вопрос, единогласно заключили, что англиканские рукоположения вполне законные... церковная практика не дает никакого повода заключить, что Православная Церковь когда-либо официально ставила под сомнение законность англиканских рукоположений и предписывала бы перерукополагать англиканское духовенство»⁷⁰.

Тем временем военная ситуация для Греции, которая с 1919 г. вела тяжелую войну с новым, возникшем на обломках Османской империи турецким государством (получавшим большую военную помощь от Советской России), резко изменилась в худшую сторону. В сентябре 1921 г. наступавшая в Анатолии греческая армия была остановлена у реки Сакария, а в августе 1922 г. она потерпела полное поражение, что обернулось настоящей катастрофой для проживавших в Малой Азии греков. Так, например, случилось, когда 9 сентября 1922 г. турецкие войска после жестокого боя заняли г. Измир (Смирну). В городе в то время проживало около 400 тыс. греков, многие из которых были беженцами. По свидетельству американского консула в Измире Джорджа Хортон священикомученику митрополиту Смирнскому Хризостому (Калафатису) «было предложено убежище во французском консульстве и эскорт морских десантников, но он отказался, сказав, что его обязанность оставаться со своей паствой... Озверелые турки били святителя, выкололи ему глаза, таскали за бороду по улице, отрубили благословляющую их руку и, наконец, застрелили. Началось жестокое избиение греческого, армянского и вообще христианского населения города, муки и насилия над христианами продолжалось несколько дней. Весь греческий и армянский район были сожжены». Всего в результате репрессий в городе погибло около 250 тыс. христиан. Свидетелями этого избиения были команды примерно 40 кораблей стран Антанты и береговой патруль французской, английской и американских армий⁷¹. К 18 сентября 1922 г. греческая армия полностью ушла с территории Турции.

Вместе с их паствой в Малой Азии трагически погибли помимо Владыки Хризостома митрополиты Кидонийский Григорий (Орологос), Мосхонисийский Амвросий (Плианфидис) и много других иерархов и клириков. Одним из народных греческих героев, в частности, является помощник митрополита Амасийского епископ Зильский Евфимий (Агрителлис). 21 января 1921 г. он вместе с другими известными православными жителями Амасьи был арестован турецкими властями и посажен в тюрьму. На Пасху, 18 апреля, епископ Евфимий, несмотря на усиленную охрану, смог войти в камеры, где в одиночном заключении содержа-

⁶⁹ Delimbasis A.D. Opt. cip. P. 661.

⁷⁰ Project Canterbury, Anglicanism and Orthodoxy.

⁷¹ См.: Dobkin M. Smyrna 1922: the Destruction of a City. New York, 1971.

лись его соотечественники, утешил и ободрил их. 29 мая, на 41-й день одиночного заключения, истощенный тяготами, лишениями и пытками, Владыка скончался. Приказ о его казни пришел из Ангоры (ныне Анкара) уже после смерти епископа.

Подавляющее большинство православных монастырей и храмов было разрушено и разграблено. От жестоких репрессий с территории Турции в Грецию бежали около полутора миллионов человек. Греческая община – примерно 125 тыс. человек – сохранилась только в Константинополе, да и то благодаря защите стран Антанты.⁷² в августе-сентябре 1922 г., опасаясь повторения Смирненской резни, начали покидать город по три тысячи человек в день и оставшихся жителей спасли, прежде всего, английские военные части.

Поражение Греции стало причиной тяжелых испытаний и для Константинопольского Патриархата. После окончания войны он потерял все 30 своих епархий в Малой Азии. Из тех же 54 епархий Патриархата, которые были расположены в Европе, после Балканских и Первой мировой войн 49 вошли в состав других Православных Церквей, прежде всего Элладской. Таким образом, из существовавших в начале XX века 84 епархий Вселенского Патриархата в его юрисдикции на территории Турции осталось только пять: Константинопольская, Деркосская, Халкидонская, Принкипоская и Имбро-Тенедосская (то есть фактически Стамбул и окрестности)⁷³. В этих епархиях находилось 10 монастырей и несколько духовных школ, наиболее известной из которых была богословское училище (школа) на острове Халки, вблизи Стамбула. Кроме того, в юрисдикции Вселенского Патриарха остались пять епархий на островах расположенного в Эгейском море Додеканесского архипелага, принадлежавших до 1945 г. Италии: Родосская, Косская, Лероско-Калимноско-Астипалеиская и Карпафоско-Касосская.

Одновременно встал вопрос о самом пребывании Константинопольской Патриархии на территории Турции. Власти этой страны отказывались признать Патриархом Мелетия, так как он не был турецким гражданином и соответственно не подлежал избранию, согласно указу султана Османской империи от 1856 г. При этом сам Патриарх Мелетий IV заявлял, что он не признает подобные указы обязательными, так как они исходили от мусульманских завоевателей⁷⁴.

15 сентября 1922 г. митрополит Конийский Прокопий, которому подчинялись все приходы Анатолии, и еще два епископа и два священника отделились от Константинопольского Патриархата и создали свой Синод Турецкой Православной Церкви (в то время в Анатолии жило около 50 тыс. караманлидов – туркоязычных или двуязычных православных греков). Фактическим лидером движения сепаратистов стал туркоязычный священник из г. Кескина в Анатолии «Папа» Евтим (Эфтимииос Каракиссаридис). Он выступал за мирное сосуществование христиан и мусульман и последующее отуречивание православных. Члены нового Синода пользовались активной поддержкой правительства Мустафы Кемалея, в связи с чем Патриарх Мелетий счел неуместным подвергать их прещениям. Он предложил создать находящуюся в подчинении Вселенскому Патриархату автономную Турецкую Церковь, в которой обещал ввести в богослужении турецкий язык, но получил отказ. Весной 1923 г. член раскольнического Синода священник «Папа» Евтим при содействии турецкого правительства захватил храм Панагии Кафатиани в Стамбуле. В начале июня староста этого храма Дамианос Дамианидес организовал группу, которая ворвалась в здание Патриархии и потребовала немедленного отречения Мелетия IV. В ответ на эти действия Патриарх все-таки отлучил зачинщиков акции от Церкви. Указанное движение продержалось до начала 1930-х гг., прекратив существование после массового переселения православного населения из Анатолии⁷⁵

⁷² Греция. С. 386.

⁷³ Bundesarchiv Berlin (BA), R 5101/23173. Bl. 41.

⁷⁴ Мосс В. Указ. соч. С. 94.

⁷⁵ Нанакис А. Указ. соч. С. 38–39; Ergene T. Istikl harbinde Trk ortadokslari (The Turkish Orthodox in the War of Independence). Istanbul, 1951. P. 25–26.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.